

ГОРОД 1787

СОШОК

Иногда город не отпускает своих.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДИАНА ТЕТЕРКИНА

Диана Тетеркина

Город-1787

<https://litres.ru/74124704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Закрытый город Сошок исчез с карт пятнадцать лет назад. После аварии на секретном объекте его окружили стенами, а всё, что осталось внутри, объявили мёртвой зоной.

Но Артём Воронов знает: там пропал его отец. Вместе с бывшим военным Алексеем Орловым он возвращается за периметр, в город своего детства. Пустые дворы, школа, больница и подземный комплекс ведут его к правде, которую слишком долго скрывали.

Сошок не мёртв. Он помнит своих. И не любит отпускать.

Содержание

Пролог. 9 июля 2008	4
Глава 1. Бар	8
Глава 2. Ночная дорога	16
Глава 3. Периметр	22
Глава 4. Между стенами	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Диана Тетеркина

Город-1787

Пролог. 9 июля 2008

Город наш казался обычным только днём. Пятиэтажки с облупленной штукатуркой, ржавые качели, серые лавочки у подъездов, женщины с пакетами, старики на лавках, дети с мячом. Летом даже бетонная стена за последними домами выглядела не угрозой, а частью пейзажа. Она стояла там всегда: высокая, с колючей проволокой, прожекторами и вышками. За ней начинался лес. Ни трасс, ни деревень. Только лес и закрытый город.

Взрослые говорили, что так надо. Особый объект. Работа для страны. Под землёй — лаборатория. О ней не говорили вслух, но все знали: она есть. Кто-то шептал про лекарства будущего, кто-то — про оружие, кто-то — про вирусы. Дети повторяли чужие слова и смеялись, пока не замечали, как матери резко замолкают при слове «комплекс».

В тот день я гонял мяч во дворе. Мне было девять. Я забил гол между двумя кирпичами и поднял руки, будто вокруг ревел стадион.

— Артё-о-ом! Домой! Обедать пора!

Мама стояла у окна. Спорить было бесполезно.

— Последний удар! — крикнул я ребятам.

Я разбежался и попал точно в проём. Тогда я ещё не знал, что это был мой последний гол во дворе.

Дома пахло жареной картошкой и грибами. На кухне висел календарь: 9 июля 2008 года. Через неделю должен был быть мой день рождения.

— Мам, папа сегодня придёт?

— Не знаю, — ответила она. — У него испытания.

— Опять?

— Аркадий работает, Артём.

Она сказала спокойно, но пальцы у неё дрогнули. Тогда я не понял. Дети редко понимают, когда взрослые боятся.

Я почти доел картошку, когда завывала сирена. Не школьная. Не пожарная. Другая. Та, от которой в городе сразу закрывали окна.

— Внимание! Тревога! В лабораторном комплексе произошла утечка. Всем оставаться в домах. Закрывать окна и двери. Никому не открывать.

Мама побледнела. Захлопнула окно, провернула ручку, бросилась к двери и закрыла замок.

— Мам?

— В комнату.

— А папа?

— В комнату, Артём!

И тут в дверь ударили.

— Люда! Артём! Откройте! Быстро!

Я узнал голос. Дмитрий, сосед снизу, друг отца. Я сорвался с места раньше, чем мама успела остановить.

— Артём, стой!

Но я уже повернул замок. На пороге стоял Дмитрий. Лицо белое, губы синие, рубашка липла к груди от крови.

— Пустите... воды... пожалуйста...

Сейчас, спустя пятнадцать лет, я помню каждую секунду. Запах крови. Мамин вдох. Собственные руки на замке.

Я открыл дверь. Через час Дмитрий начал кашлять. Сначала тихо, потом так, словно из него выворачивали лёгкие. Мама пыталась дозвониться до отца, до скорой, до кого угодно. Телефон гудел в пустоту.

Я принёс Дмитрию стакан воды. Он взял его, и на ладонь ему хлынула кровь. Потом из горла вырвался звук, который не мог принадлежать человеку.

— В комнату! — мама толкнула меня в коридор. — Закройся! Шкафом дверь подопри! Не выходи, что бы ни случилось!

Сначала был грохот в гостиной. Потом крик мамы. Потом влажный, рвущийся звук, будто кто-то ломал мясо руками.

Когда всё стихло, я отодвинул шкаф. Мне казалось, что я должен помочь. Что если выйду сейчас, всё ещё можно исправить.

В гостиной не было мамы. Было то, что от неё осталось. За спиной задышали. Я обернулся и увидел Дмитрия, точнее то, что с ним стало... Чёрные мокрые зубы, кожа, свисающая

с лица, глаза без человека внутри.

Потом был выстрел.

— Артём! Ко мне!

Миша, сосед-военный, влетел в квартиру, схватил меня и вытащил на лестницу. Меня посадили в автобус. Последнее, что я запомнил из города, — огонь над крышами и стена, которая закрывалась за нами.

В больнице в Москве Миша сказал, что мама погибла. Отец пропал. Лабораторию запечатали. Город закрыли навсегда.

— Он жив, — сказал я.

Миша не стал спорить.

— Может быть.

— Я найду его.

Пятнадцать лет я жил с этой фразой. Я стал спасателем МЧС, научился вытаскивать людей из огня, читать разрушенные здания, останавливать кровь. Но из той квартиры я так и не вышел.

Каждую ночь я снова открывал дверь.

Глава 1. Бар

— Эй. Тёма.

Голос Лёхи дошёл до меня не сразу. Сначала был другой звук: сирена. Та самая, из детства. Она была где-то за стеной, за кухонным окном, в той квартире, где я до сих пор каждую ночь открывал дверь.

— Артём, блин, просыпайся.

Я вздрогнул так, что ударился коленом о ножку стола. Перед глазами ещё стояла гостиная: кровь на полу, мамина рука у ковра, Дмитрий в дверях с чужими зубами и чужим дыханием. Потом всё распалось.

Вместо сирены — хриплая музыка из старых колонок. Вместо крови — липкое кольцо пивной пены на столе. Вместо квартиры — придорожный бар где-то посреди области, последняя человеческая точка перед дорогой к Сошку.

Пахло табаком, дешёвым пивом, жареным мясом и мокрыми куртками. На стене висел телевизор без звука. В углу дальнобойщики спорили так устало, будто спорили уже не первый год и давно забыли, с чего начали. Официантка с красными глазами носила кружки, не глядя на лица.

Лёха сидел напротив. Сигарета дымилась у него между пальцами, но он почти не курил — только крутил её и стряхивал пепел строго в одно и то же место, будто даже барная пепельница должна была жить по уставу.

— Опять девятое июля? — спросил он.

Я провёл ладонью по лицу. Рубашка прилипла к спине.

Руки дрожали.

— Не начинай.

— Я не начинаю, — сказал Лёха уже мягче. — Ты орал.

Народ косится.

Я оглянулся. Один мужик у стойки действительно смотрел на нас. Увидел мой взгляд, отвернулся и сделал вид, что изучает меню.

— Что я говорил?

Лёха помолчал.

— Звал мать.

Это было хуже, чем если бы я матерился или кричал от страха. Я взял кружку, но пить не смог. Пиво успело нагреться и пахло железом.

— Иди умойся, — сказал Лёха.

— Сейчас.

— Не «сейчас». Сейчас.

Он не командовал. Просто знал, что если дать мне минуту, я останусь сидеть и смотреть в стол, пока кошмар не начнёт дышать рядом.

Туалет был в конце короткого коридора. Лампочка мигала. На двери кто-то выцарапал ножом: «Домой хочу». Под этим другой рукой добавили: «Все хотят».

Умывальник встретил запахом хлорки и сырости. Я включил воду. Холодная, почти ледяная. Плеснул в лицо раз. По-

том второй. Кожа онемела, и это было хорошо: больнее, чем память, но честнее.

Я поднял голову. В зеркале стоял не только я.

За моим плечом, в глубине мутного стекла, темнела высокая фигура. Сгорбленная. Слишком длинные руки. Красные глаза под потолком. Рот, раскрытый так широко, будто в нём не было челюсти.

Я резко обернулся. Никого. Только облупившаяся плитка, швабра в углу идохлая муха на подоконнике. Я снова посмотрел в зеркало. Там был я: тёмные круги под глазами, щетина, мокрые волосы, лицо человека, который слишком долго жил не настоящей жизнью, а ожиданием.

— Соберись, — сказал я отражению.

Отражение не поверило. Я закурил прямо у раковины. На стене висела табличка «Не курить». Я посмотрел на неё и усмехнулся. До Сошка оставалось несколько часов пути. Правила нормальных людей уже заканчивались.

Когда я вернулся, Лёха заказал ещё две кружки и тарелку пережаренных колбасок. Рядом лежала папка с документами, мой рюкзак и его автоматный ремень, который он всё время прятал под курткой, но никогда не выпускал из поля зрения.

— Ну? — спросил он.

— Всё нормально.

— Врёшь.

— Вру.

— Вот теперь похоже на человека.

Я сел. Пена медленно ползла по стеклу. Некоторое время мы просто молчали. Не то тяжёлое молчание, после которого обычно ругаются, а нормальное. В нём даже было что-то живое: звон кружек, чужой смех, запах еды, скрип двери, дождь по жестяному козырьку снаружи.

Именно это било сильнее всего. Мир продолжал жить. Люди ехали по своим делам, ели, врали, флиртовали, ругались из-за сдачи. Никто из них не знал про город 1787. Про стену. Про лабораторию. Про девятилетнего мальчика, который открыл дверь.

— Завидуешь? — спросил Лёха.

— Кому?

Он кивнул на дальнобойщиков.

— Им. Они утром проснутся, похмелятся и поедут дальше. Самая большая трагедия — штраф на трассе.

— Ты стал философом?

— Нет. Это пиво плохое.

Я впервые за вечер усмехнулся. Лёха взял колбаску, понюхал, скривился и всё равно съел. У него была дурацкая привычка: ругать любую еду, а потом доедать последним, чтобы «добро не пропадало». В общаге он мог три дня жить на гречке и кетчупе, но при этом покупал дорогие патроны для тира и говорил, что приоритеты у нормального человека должны быть правильные.

— Передумать ещё не поздно, — сказал он, вытирая паль-

цы салфеткой.

— Ты про себя?

— Про тебя, Тёма.

— Я пятнадцать лет шёл к этой стене.

— Именно. Иногда чем дальше идёшь, тем сложнее признать, что идёшь в задницу.

— Благодарю за поддержку.

— Всегда пожалуйста. Я дорогой, но бесполезный.

Я посмотрел на него внимательнее. Под шуткой он был бледнее обычного. Лёха боялся. Просто у него страх выходил не дрожью, а ехидством и лишней проверкой магазина.

— Ты можешь не ехать, — сказал я.

Он поднял глаза.

— Не начинай.

— Это моя история, Лёха.

— Уже нет, — ответил он и постучал костяшкой по папке. — Ты слишком много лет втягивал меня в свои архивы, ночные поездки, форумы с психами и разговоры «а что, если отец жив». Поздно делать вид, что я случайный пассажир.

— Я не просил тебя лезть туда со мной.

— Просил. Просто не словами.

Я хотел возразить, но не нашёл чем. Мы познакомились в университете после моей службы в спасотряде. Я тогда уже работал в МЧС, учился урывками и ночами копал всё, что было связано с Сошком: старые карты, слухи, списки эвакуированных, обрывки военных закупок, фотографии стен с

туристических форумов. Нормальные люди смотрели на это и отходили. Лёха сел рядом.

— Если ты так хочешь умереть, — сказал он тогда, — хотя бы возьми с собой человека, который умеет стрелять.

Я решил, что он шутит. Он не шутил. Потом он таскал меня в тир, учил сидеть спиной к стене, ругался, когда я забывал есть, и ставил на старом ноутбуке одну и ту же отвратительную песню, потому что, по его словам, «плохая музыка лучше хорошей истерики».

С тех пор он был рядом. На поисках. На пьянках. В молчании после кошмаров. В больнице, когда меня вытащили из очередного пожара с ожогами на руках. Он не говорил красивых слов. Просто приходил и садился рядом.

— Документы проверь, — сказал Лёха.

Я открыл папку. Разрешение на вход в санитарную зону, допуск категории Б-17, направление от исследовательской группы, справка о навыках аварийно-спасательных работ. Бумаги пахли свежей печатью и чужими решениями.

— Они настоящие? — спросил я.

Лёха усмехнулся.

— Настоящие документы — это те, которые пропускает охрана.

— Отлично. Юридически безупречно.

— Я старался.

— Как ты их достал?

Он сделал глоток и не сразу ответил.

- Через людей.
- Каких людей?
- Неприятных.
- Лёха.

Его лицо стало закрытым. Таким я видел его редко: когда в новостях показывали войну, когда по телевизору говорили про «служебную необходимость», когда он ночью выходил курить и возвращался с пустыми глазами.

— Есть структуры, которым интересно, что осталось в городе, — сказал он. — Им нужен был человек с личной мотивацией и доступом по крови. Им нужен был ты.

Я медленно поставил кружку.

— Что значит «по крови»?

— Твой отец руководил частью проекта. Старые системы могли быть завязаны на биометрию семьи. Я не знаю всех деталей.

— Почему ты говоришь это только сейчас?

Лёха посмотрел не на меня, а в окно, за которым дождь полосовал стоянку.

— Потому что раньше ты всё равно поехал бы. Только ещё и попытался бы ударить меня до дороги.

— Ты меня использовал?

Он не ушёл от ответа.

— Сначала — да.

В баре кто-то засмеялся. Смех прозвучал чужим, почти неприличным.

— А теперь? — спросил я.

— А теперь я сижу с тобой в этой дыре, пью отвратительное пиво, еду к месту, куда нормальные люди не ездят, и всё ещё надеюсь, что мы оба вернёмся. Делай выводы сам.

Я молчал.

— И да, — добавил Лёха тише. — Я боюсь.

Эта фраза была важнее любой клятвы. Лёха редко признавал страх. Обычно он переодевал его в шутку, приказ или мат.

Мы допили. Не быстро. Специально медленно. Будто можно было задержать ночь ещё на полкружки, на сигарету, на дурацкий спор о том, кто платит. Я заплатил. Лёха сказал, что это худшее финансовое решение после идеи ехать в Сошек.

Когда мы вышли, ночной воздух оказался холодным и мокрым. Бар за спиной гудел, как маленький живой организм. Снаружи пахло лесом, землёй и бензином.

УАЗ ждал у обочины. Старый, зелёный, с замазанными грязью номерами. На мокром капоте дрожали отражения барных окон.

Я оглянулся в последний раз. За стеклом кто-то поднимал кружку, кто-то смеялся, официантка ругалась с водителем из-за сдачи. Там оставалась обычная жизнь. Та самая, в которую я так и не научился верить.

— Поехали, — сказал Лёха.

Я кивнул и сел в машину.

Глава 2. Ночная дорога

Лёха завёл УАЗ не сразу. Сначала он сидел за рулём и смотрел в тёмное лобовое стекло. В баре остались свет, голоса, запах жареного мяса и чужие разговоры. Здесь, на стоянке, была только мокрая земля под колёсами, ночь и дорога, уходящая в лес.

— Ну что, герой, — сказал он наконец. — Последний шанс сказать: «Лёха, я передумал, отвези меня домой, я хочу жить скучно и долго».

— Домой? — переспросил я.

Он понял, что сказал не то.

— Ладно. Неудачно.

Я бросил рюкзак на заднее сиденье. Там лежали аптечка, фонарь, сменная одежда, нож, верёвка, старый блокнот с распечатанными картами и фотографии, которые я переснимал с форумов почти десять лет. Зернистые снимки стены. Обрывки спутниковых карт. Пьяные рассказы бывших срочников. Чёрные квадраты вместо данных.

Всё, что я знал о Сошке за последние пятнадцать лет, помещалось в один потрёпанный рюкзак.

Лёха повернул ключ. Двигатель кашлянул, потом загудел ровно.

— Ты когда-нибудь был рядом с городом? — спросил я.

— Нет.

— Но документы достал.

— Документы достал.

— Значит, кто-то тебя готовил.

Он включил фары. Лучи выхватили из темноты мокрый асфальт, разбитую обочину и пустой рекламный щит, на котором давно выцвела девушка с йогуртом.

— Меня готовили к разному, Тёма. К тому, что нас могут не пустить. К тому, что нас могут задержать. К тому, что ты психанёшь и полезешь через забор. К мутантам — нет.

Слово прозвучало слишком громко.

— Ты веришь, что они там есть?

— Я верю, что там есть что-то, из-за чего город закрыт пятнадцать лет. Называй как хочешь.

— В отчётах были описания?

— В тех, что я видел, были только запреты. Не входить без сопровождения. Не шуметь. Не трогать биоматериал. Не приближаться к заражённым объектам. Что такое «объект», никто нормально не объяснил.

— Значит, ты не знаешь, что нас ждёт.

— А ты знаешь?

Я хотел ответить. Не смог. Мы выехали на трассу. Первые километры всё ещё казались обычными: редкие фонари, мокрые дорожные знаки, тёмные поля за окнами. Потом начались пустые деревни. Дома с заколоченными окнами, остановки без расписаний, магазин с выбитой вывеской. Мир будто постепенно отказывался от людей.

Лёха ехал молча. Иногда он проверял зеркала, хотя за нами никто не ехал. Один раз выключил фары на повороте, постоял десять секунд и снова включил.

— Что? — спросил я.

— Привычка.

— Видел кого-то?

— Нет. Поэтому и неприятно.

Часа через полтора мы остановились у заброшенной заправки. Колонки заржавели, стекло в кассе было разбито. Над входом висел плакат: «Кофе с собой». Он был таким мирным, что стало тошно.

Я вышел размять ноги. Ночь пахла мокрым лесом, бензином и чем-то старым, болотным. Лёха обошёл машину, проверил колёса, потом достал сигарету.

— Не кури рядом с колонками.

Он посмотрел на мёртвую заправку.

— Тёма, если тут ещё есть бензин, я женюсь на этой колонке.

Я почти улыбнулся. Потом в глубине здания что-то звякнуло. Мы оба замерли. Звук был маленький. Банка упала с полки. Такое мог сделать ветер. Крыса. Птица. Всё что угодно.

Лёха медленно снял автомат с плеча.

— Оставайся у машины.

— Нет.

— Я не спрашивал.

— А я не отвечал.

Он выдохнул через нос.

— Ладно. Только фонарём не маши, как турист.

Внутри кассы пахло плесенью и мокрым картоном. Луч фонаря прошёл по пустым полкам, по развороченному кассовому аппарату, по старым пачкам жвачки, которые кто-то не украл даже в конце света. На полу валялась банка энергетика. Она ещё чуть покачивалась.

В задней комнате было зеркало. Обычное маленькое зеркало над раковиной. Треснутое, мутное. Я увидел себя: грязное лицо, красные глаза, куртка на плечах. И за моей спиной — высокую тень.

Я резко обернулся. Пусто.

— Что? — Лёха поднял ствол.

— Ничего.

— Я обожаю слово «ничего» в заброшенных местах.

Я снова посмотрел в зеркало. Теперь там были только я и Лёха за моей спиной.

— Это из-за сна, — сказал я. — Просто нервы.

— Нервы иногда спасают. Просто не давай им рулить.

На стене возле двери висела выцветшая карта области. За Сошком начиналось белое пятно. Не лес, не дорога, не населённый пункт — пустота. Кто-то ручкой написал поверх: «НЕ ЕХАТЬ».

Лёха заметил надпись.

— Местные юмористы.

— Или местные не юмористы.

Мы вернулись в машину. Дальше лес стал плотнее. Дорога сузилась, асфальт пошёл трещинами. По краям стояли знаки, которых не бывает на обычных трассах: «САНИТАРНАЯ ЗОНА», «ФОТОСЪЁМКА ЗАПРЕЩЕНА», «ПРИ ОБНАРУЖЕНИИ ЖИВОТНОГО НЕ ПОКИДАТЬ ТРАНСПОРТ».

— Животного, — прочитал Лёха. — Оптимистично.

Радио сначала шипело, потом поймало голос. Мужской, далёкий, будто из-под воды. «...повторяю... объект не стабилен... не открывать...» Лёха ударил по приёмнику. Голос исчез.

— Это что было?

— Старый канал.

— Откуда он вещает?

— Не знаю.

— Ты слишком часто начал это говорить.

— Привыкай.

За окном между деревьями мелькнул бетон. Не сразу стена. Сначала тень. Потом линия. Потом серый массив, который рос из земли так, будто его построили не люди, а сам страх решил стать видимым.

Чем ближе мы подъезжали, тем тише становилось. Даже мотор казался виноватым. На последнем повороте я увидел верхушки прожекторов. Сошок был впереди. Я думал, что почувствую облегчение. Пятнадцать лет я искал дорогу об-

ратно. Пятнадцать лет думал: вот доберусь — и всё начнётся правильно. Найду ответы. Найду отца. Пойму, почему мама умерла.

Но когда стена поднялась перед нами во весь рост, я понял только одно. Я не возвращался домой. Я возвращался туда, откуда меня когда-то вынесли живым по ошибке.

Глава 3. Периметр

На КПП нас встретили не как гостей и не как нарушителей. Нас встретили как людей, которых давно ждали, но видеть не хотели.

Прожектор ударил в лобовое стекло. Я поднял ладонь к глазам, но свет всё равно лез под веки, высвечивал пыль на панели, трещину на стекле и Лёхины пальцы на руле. Они не дрожали. Только костяшки побелели.

Из будки вышли трое. Двое держали автоматы. Третий был старше, с короткой седой щетиной и лицом человека, который за много лет научился не задавать лишних вопросов.

— Заглушить двигатель. Руки на виду.

Лёха подчинился. Двигатель затих, и сразу стало слышно стену. Не сам бетон, конечно. Ветер на колючей проволоке. Гул прожекторов. Далёкое потрескивание генераторов. Всё вместе звучало так, будто за стеной кто-то огромный спал и тяжело дышал.

Старший подошёл к двери.

— Документы.

Я протянул папку. Он листал медленно. Не потому что плохо видел. Он смотрел на каждую печать так, будто пытался понять, кто именно наверху решил пустить нас внутрь.

— Воронов Артём Аркадьевич, — прочитал он. — Сын

доктора Аркадия Воронова.

Фамилия прозвучала громче, чем нужно.

— Да.

Он поднял глаза.

— Спасатель МЧС. Аварийно-спасательные работы. Медицинская подготовка. Допуск Б- 17. Красиво.

— Не я оформлял.

— Это заметно.

Он посмотрел на Лёху.

— Орлов Алексей. Сопровождение.

— Безопасность, — поправил Лёха.

Офицер усмехнулся одним углом рта.

— Здесь это одно и то же. Выйти из машины.

Нас обыскали быстро и грубо. Оружие у Лёхи забрали не сразу. Посмотрели номер, сверили с каким-то списком, вернули два магазина и один нож. Остальное сложили в ящик.

— Вернёте? — спросил Лёха.

— Если будет кому возвращать.

Я подписал бумагу о добровольном входе в санитарную зону. Потом ещё одну. И третью. В них было много слов: отказ, ответственность, эвакуация, биологический риск, государство не гарантирует. Самое честное было в последней строке: «Возврат тела не обеспечивается».

— Тела? — спросил я.

Офицер устало посмотрел на меня.

— Не цепляйтесь к словам, Воронов.

— Я спасатель. У нас к таким словам цепляются.

— Тогда цепляйтесь крепче. Завтра утром вас проведут за внутреннюю стену. После этого обратно через ворота вы не выйдете.

— Почему?

— Потому что город не выпускает тех, кто заходит без приказа на вывод.

— Это приказ или суеверие?

Офицер помолчал.

— И то и другое.

Мы прошли через внешние ворота и оказались между стенами. Это был не город и не военная часть. Скорее шрам: бараки, склады, прожектора, бетонные блоки, бронетранспортёры с грязными бортами. Люди здесь жили по расписанию, но каждый взгляд у них был направлен не на часы, а на внутреннюю стену.

Там, за вторым бетоном, лежал Сошок. Мой город.

— Что внутри? — спросил я у офицера.

Он шёл впереди и не обернулся.

— То, что осталось.

— Люди?

— Иногда кажется, что да.

Лёха бросил на меня короткий взгляд. Впервые за весь вечер он не нашёл шутки. Нас поселили в узкой комнате барака. Две койки, стол, ржавая батарея, окно с решёткой и дверь с засовом снаружи.

— Нас запрут? — спросил я у молодого рядового.

— Для вашей безопасности.

— От кого?

Он сглотнул.

— От ошибки.

Когда дверь закрылась, Лёха сел на койку и проверил магазин.

— Ты знал? — спросил я.

— Что именно?

— Что здесь не просто пустой город.

Он достал сигарету, но не зажёл.

— Я знал, что объект опасный. Что там заражение, военные потери, закрытые отчёты. Но в отчётах всё выглядит аккуратно: зона, биориск, аномальная активность. Бумага умеет делать ужас скучным.

— А про мутантов?

— Я слышал байки.

— И?

— И считал, что солдаты любят пугать гражданских.

Где-то за баракom коротко завывла сирена. Не в полную силу. Как предупреждение, которое повторяли слишком часто, чтобы оно ещё кого-то удивляло.

Лёха всё-таки зажёл сигарету.

— Похоже, завтра будем проверять байки.

Я подошёл к окну. Внутренняя стена уходила в темноту. На ней горели прожекторы. Они медленно водили лучами по

бетону, вышкам, проволоке.

И на секунду мне показалось, что за стеной что-то произошло.

Не человек. Не машина. Тень. Я моргнул. Луч прожектора ушёл дальше. Стена снова стала пустой.

— Видел? — тихо спросил Лёха.

— Нет.

— А я видел.

Мы оба поняли, что врём.

Глава 4. Между стенами

Ночь между стенами началась с тишины. Не нормальной, не той, что бывает в лесу или в пустой комнате. Здесь тишина была служебной. Её поддерживали приказами, прожекторами, бетонными плитами и людьми с автоматами. Она висела над гарнизоном как натянутая проволока.

Первый удар пришёл после полуночи. Барак дрогнул. Где-то далеко загремел металл. Потом кто-то крикнул, коротко и зло:

— Контакт у дренажа!

Лёха мгновенно сел. Я проснулся уже стоя, с ножом в руке, хотя не помнил, как его достал.

— Свет не включай, — сказал он.

— Почему?

— Потому что все, кто знает, что делать, сейчас тоже его не включают.

По коридору пробежали сапоги. За дверью щёлкнул затвор. Молодой голос сорвался:

— Всем оставаться в помещениях! Не открывать двери!

Эти слова ударили сильнее выстрелов. Не открывать двери. Я снова был в квартире. Мама толкала меня в комнату. Дмитрий кашлял в гостиной. Замок в моей руке поворачивался легко, слишком легко.

— Тёма.

Лёха схватил меня за плечо.

— Дыши.

Снаружи началась стрельба. Сначала одиночные, потом очередь, потом сразу несколько стволов. Барак наполнился красными вспышками из-под двери. В стену что-то врезалось с такой силой, что с потолка посыпалась штукатурка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.